

Профессоръ Грюнведель говоритъ, что медальоновъ съ пѣтушиными головами, изображенными у Клеменца, онъ уже не засталъ. Здѣсь, несомнѣнно, простое недоразумѣніе, такъ какъ эти медальоны никогда не существовали: рисунокъ у Д. А. Клеменца отлично передаетъ то первое впечатлѣніе, которое получаешь отъ кабаньихъ головъ; С. М. Дудинъ, Д. А. Смирновъ и я немедленно узнали рисунокъ Д. А. Клеменца, и только пристально всмотрѣвшись, мы узнали кабаньи головы. Профессоръ Грюнведель, снимавшій кальку, не могъ, конечно, впасть въ ту же ошибку, но достаточно взглянуть на его превосходную кальку и на прилагаемую фотографію (рис. 47), чтобы понять какъ легко было увидѣть пѣтушиныя головы вмѣсто кабаньихъ. Мы остановились дольше на этой детали, чтобы съ одной стороны уничтожить невѣрное представленіе о несуществовавшемъ орнаментальномъ мотивѣ, а съ другой, чтобы показать, какъ легко даже опытному глазу ошибиться въ деталяхъ орнамента, полныхъ новыхъ и неожиданныхъ мотивовъ.

Мы, къ сожалѣнію, совершенно не можемъ теперь сказать, что было изображено на стѣнахъ этой пещеры и потому не знаемъ, къ чему имѣли отношеніе кабаньи головы; мы хотѣли бы только указать, что нашли этотъ мотивъ медальоновъ съ кабаньими головами въ Кучарѣ въ Кызылѣ на подушкѣ лежащаго Будды, въ изображеніи Великой Кончины. Надо ли видѣть въ этомъ намекъ на ту часть легенды о Великой Кончинѣ, гдѣ говорится о томъ, что причиною болѣзни Будды, кончившейся смертію, было употребленное имъ въ пищу кабанье мясо, мы не рѣшаемся сказать.

Большой монастырь на правомъ берегу рѣки чрезвычайно любопытенъ планомъ (табл. XLVIII, рис. 48 и 49 съ планами обонхъ этажей), который въ общемъ подобенъ планамъ монастырей въ старинномъ городѣ на Ярѣ, въ Идикут-шари, въ Сенгимскомъ ущельи и въ Чикан-кѡлѣ, съ тою только разницею, что монастырь, обыкновенно располагающійся въ длину, здѣсь, въ силу условій мѣстности (узкій длинный уступъ горы), вытянулся въ ширину, имѣя по срединѣ главный храмъ, а по бокамъ кельи и соотвѣтственно расположенные другіе болѣе мелкіе храмы и хозяйственныя помѣщенія.

Несомнѣнно, что разныя части этого монастыря относятся къ разнымъ періодамъ или же имѣли обитателями монаховъ разныхъ національностей; послѣднее менѣе вѣроятно, такъ какъ мы знаемъ, что въ буддійскихъ монастыряхъ земляки стараются жить вмѣстѣ. Нѣкоторыя части росписи носятъ старинный характеръ, другія, такъ же какъ и остатки скульптуры, носятъ тибетскій характеръ: въ Музеѣ Антропологии и Этнографіи Императорской Академіи Наукъ находятся предметы, полученные Н. Н. Кротковымъ изъ Туяк-мазара и, повидимому, происходящіе изъ сѣверной части монастыря на правомъ берегу рѣки, гдѣ и профессоръ Грюнведель нашелъ предметы, относящіеся къ буддійскому тантрическому культу. С. М. Дудинымъ были сняты нѣкоторыя кальки, и мы на рисункахъ 50 и 51 даемъ два образца орнаментовъ: первый со стѣны кельи, второй изъ плафона пещеры.

На таблицѣ XLIX мы даемъ видъ комплекса на лѣвомъ берегу рѣки, гдѣ особенно любопытно зданіе-храмъ, которое показываетъ намъ, какъ мы должны представлять себѣ многія изъ лишенныхъ теперь крышъ зданій: оно вполне отвѣчаетъ тому маленькому храму въ Таллык-булакѣ, который мы изобразили на рисункѣ 36 (стр. 34). И здѣсь и тамъ зданіе увѣнчано чайтъя распространенаго типа; въ другомъ зданіи, тоже въ Таллык-булакѣ, мы имѣемъ уже увѣнчаніе пятью чайтъя — большимъ по